

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л22

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Ланской, Георгий.

Л22 Гамбит пиковой дамы / Георгий Ланской. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-108557-5

Сбежав из страны после смерти мужа и получив наследство, Алиса тихо жила в пригороде Парижа, надеясь, что все неприятности позади. Старых друзей у нее не осталось, но есть давний враг — он терпелив, умен и безжалостен. Всего одна случайная встреча — и жизнь Алисы снова превращается в кошмар. И неважно, что враг уже сделал тот самый шаг от ненависти до любви, ведь сама она может ответить на его чувства только смертельным ударом. Ей придется убить своего врага или погибнуть самой...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108557-5

© Ланской Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Пролог

Окутанная саваном лунного света, комната казалась склепом.

Лежать в одном положении было неудобно. Я перевернулась на бок, стараясь сделать это как можно тише. Зверь поднял голову и уставился на меня. Я не могла его обмануть. Зверь всегда знал, когда я сплю, когда притворяюсь, когда плачу или смеюсь.

Сегодня я не спала, смотрела, как ползет по стене голубой прямоугольник света, а зверь чутко ловил каждый шорох.

За окном было тихо, и только старые ели слабо махали темными лапами, подавая знак темному стражу, застывшему у моей постели.

Он поднялся и медленно подошел ко мне, дыша в лицо жарким, вонючим смрадом, а потом влажный горячий язык коснулся моих мокрых щек, слизывая слезы. Я обняла его лобастую голову, уткнувшись в короткую черную шерсть. Зверь не шевелился и только шумно вздыхал, прикасаясь к руке холодным носом.

Я училась спать по ночам заново, реагируя на каждый звук. Но ночные шорохи — пусть даже не самые приятные гости — были куда лучше снов: тягучих, липких, как смола, затаившихся во мраке, построенных на костях воспоминаний.

Воспоминания, которые я вполне удачно давила днем, топча их каблуками туфель, приходили ночью, впиваясь в незащитное сознание, как крючки в желтый рыбий рот, раздирая его и уродуя, заставляя корчиться в агонии.

В кошмарах, мечась на скомканных простынях, я всегда видела их — людей из прошлого. Грустных, веселых, уклоняющихся от моих вопросов, дающих бесполезные советы. Страшнее всего было просто ловить на себе их укоряющие взгляды. Каждый раз, когда я видела их — двух женщин, двух мужчин, я плакала, а зверь беспокойно озирался по сторонам, ища моих обидчиков.

Сегодня, забывшись в коротком беспокойном сне, я увидела ее. Сухонькая женщина, почти старушка, с несгибаемой, словно затянутой в корсет спиной, сидела на тротуаре, прося подавание. Люди скользили мимо, словно не замечая ее. Женщина не пыталась протягивать к ним руку. Даже в такой позе — со скрещенными по-турецки ногами, она казалась королевой. У ее босых пяток стояла перевернутая шахматная доска.

Прохожие вдруг развернулись, и все до единого пошли мне навстречу. Я с ужасом увидела их лица: грубые, белые и черные, отливающие лаком, безгубые, с мертвыми, залитыми белилами или тьмой глазами. Они чеканили шаг, проходя мимо старушки, и бросали к ее ногам шахматные фигурки. Ладьи, кони и пешки падали на тротуар с костяным стуком и разбивались вдребезги. Женщина смотрела на меня, строго поджав губы, а потом вдруг протянула руку, указывая на что-то за моей спиной.

Я не обернулась, потому что мне было очень страшно. Проснувшись в этот момент, я долго лежала в темноте, сдерживая дыхание, но он все равно услышал

☞ Гамбит пиковой дамы ☞

и подошел. Уткнувшись в пахнущую псиной шерсть ротвейлера, я разрыдалась.

Кошмары, бывшие неотъемлемой частью моей жизни почти год, теперь приходили реже, но легче не становилось. Я сползла на пол, баюкая на коленях тяжелую голову собаки.

Ротвейлер был единственным живым созданием из моей прошлой жизни, о которой я старалась не вспоминать. Пес, сам переживший немало горестей, теперь ходил за мной по пятам, пытаясь спасти от любого, посягнувшего на мой покой.

Прямоугольник света на стене наливался красным, становясь более четким. Оконная рама походила на надгробный крест.

Я ускользнула от смерти, оставив ее другим. Ушла с большими потерями, лишившись всех, кого когда-то любила. Убежала, оставив с носом врагов, жаждавших избавиться от ненужной преграды на пути к большим деньгам, от пешки, в одночасье ставшей королевой.

Кто я теперь? Пешка в безнадежном гамбите? Козырная дама в колоде?

Я легла на пол, прижавшись к теплому собачьему боку. Прошло уже больше двух лет. Научившись спать по ночам, я разучилась бояться. Кем бы ни были мои преследователи, они меня потеряли. Пес громко задышал от удовольствия, когда я почесала его живот. Я улыбнулась, вспомнив, как жила это время рядом с ним, верным и преданным, лучшим другом человека.

И теперь мне не от кого убежать. А ему не от кого меня защищать.

Хочешь, расскажу сказку?

Часть 1

Я лениво потягивала кофе и разглядывала пустую улочку. Кафе только что открылось, посетителей было немного. Те, кто спешил на работу в Париж, штурмовали метро где-то два часа назад и уж точно не пошли бы пить кофе к Жаку. Для обычных посетителей — любителей погреть косточки под солнцем — время еще не настало, хотя внутри вовсю кипела работа, а упительные ароматы свежих круассанов и кофе приятно щекотали ноздри. С утра в кафе было всего два посетителя: я и старичок лет семидесяти: опрятный, чистенький, по-настоящему французский, с лукавым ленинским прищуром.

Старичка вычурно звали Максимилианом. Если я имела неосторожность прийти в кафе раньше его, он всегда подсаживался рядом, норовил потрепать за щечку, а то и ущипнуть с подзабытым мужским пылом. Правда, в последнее время ему как-то расхотелось это делать. Бакс, с рвением выполнявший функции сторожа, на Максимилиана порывивал, косился недобро, а однажды даже продемонстрировал зубы. Я долго извинялась, но потом скорректировала утренние прогулки так, чтобы приходиться в кафе позже. Теперь я лишь вежливо кивала старичку и, получив свой кофе с булкой, садилась за другой столик.

Больше мне никто не докучал. Жизнь в парижском пригороде Леваллуа Перре была тихой и сонной. Кафе Жака стояло вдалеке от обычных туристических маршрутов, так что возможность встречи с соотечественниками была сведена к минимуму.

Сегодня, выгуляв пса, я зашла в кафе, уселась за свой любимый столик под зеленым навесом и стала ждать, пока выйдет хозяин. Жак всегда обслуживал меня сам, не знаю почему. Наверное, я ему нравилась, что вызывало бурное неодобрение его жены и дочери, угловатой, с громадными черными глазами, носом-горбинкой и курчавыми волосами. Жена Жака, грозная брюнетка с буйной гривой непослушных волос, была наполовину турчанкой, наполовину баской, о чем Жак, небрежно обмахиваясь линялым полотенцем, рассказал мне не то на третий, не то на четвертый день знакомства.

— Что поделать, мадемуазель, — грустно ответил он, когда я поинтересовалась, не ревнует ли его жена к посетительницам, — такова ее доля. Иногда она кипит, как раскаленное масло, и в такие минуты у меня поджилки трясутся. Ведь на кухне полно ножей. Однажды она уже стукнула меня сковородой по темечку, да, да, вот прямо сюда! Но я — француз, черт побери, и не могу не смотреть на красоток...

У Жака были потрясающие способности комика. Когда он показывал мне травмированное темечко, где среди волосиков светилась изрядная плешь, я закатывалась от смеха. Жак хохотал вместе со мной и с тех пор всегда был рад меня видеть. Вот и сегодня, когда я махнула ему рукой, он тут же выбежал наружу.

— Еще чашечку, Алиса?

— Пожалуй, — улыбнулась я. — И круассан.

Я сунула под стол недоеденную булочку, и Бакс с удовольствием слопал ее за мгновение. Спешить бы-

ло некуда. Я поднялась рано, от скуки убрала дом и даже вымыла два окна, мрачно подумав, что мыть окна в шесть утра — предел мазохизма. От подобных мыслей легче мне ничуть не стало. Почувствовав себя никому не нужной и всеми забытой, я даже попыталась всплакнуть, надеясь, что мне полегчает, но уже спустя мгновение эта идея показалась мне глупой.

Бакс крутился под ногами, дважды перевернул ведро с мыльной водой, причем во второй раз нарочно, в этом я была уверена. Ему тоже было скучно, и раз уж я соскочила с постели ни свет ни заря, могла бы не скоблить эти никому не нужные стекла, а прогуляться по парковой зоне, неподалеку от мэрии, пока не выскочили эти дурни-велосипедисты. велосипедистов Бакс ненавидел и все время порывался броситься на них. По-моему, они вызывали у него первобытный рефлекс хватать и рвать добычу на части из-за того, что слишком быстро перемещались.

Из окна доносилась музыка, мальчик с трагической судьбой пел что-то о победе над самим собой. Слыша этот чистый, высокий голос, было даже трудно представить, что его уже нет.

... A corps perdu j'écirai mon histoire
Je ne serai plus le pantin du hazard
Si toutes les vies sont des causes perdues
Les hommes meurent de n'avoir jamais cru
De n'avoir pas vécu ivres et sans fard
Soldats vaincus pour une guerre sans victoire...

Всем телом я напишу мою историю.
Я не буду больше марионеткой случайности.
Если все жизни пропавшее дело,
Люди умирают, никогда в это не поверив.

☞ Гамбит пиковой дамы ☞

Не живя пьяными и без прикрас,
Солдаты, побежденные для войны
без победы...

Грегори Лемаршаль «*A Corps Perdu*»

Моего французского хватало лишь на отдельные фразы. Если в разговоре, да еще когда собеседник не слишком торопился, я понимала почти все и могла принимать участие в беседе, то песни мне пока не давались. Однако общий смысл я все же уловила. Песня вдруг приободрила меня, и к тому моменту, как Жак принес мне кофе, я уже решила, чем займусь сегодня, сделала пару звонков и теперь совершенно спокойно допивала вторую чашку.

Кафе мало-помалу заполнялось. За соседним столиком сидели бездельничающие девицы лет семнадцати, чирикающие о чем-то малоувлекательном: тряпках, мальчиках, предстоящем концерте Пелетьера, на который они намеревались пойти. Я заскучала и уже готова была подняться с места, как в кафе вошел Оливье.

— Привет! — Он обрадовался и неразумно быстро направился ко мне. Бакс глухо рыкнул из-под стола. Девчонки притихли, Оливье притормозил и посмотрел на пса с опаской.

— Опять ты со своим чудовищем, — поморщился он.

— Куда мне без него? — усмехнулась я. — Садись осторожнее и ногами под столом не болтай, а то я его еще не кормила.

Оливье уселся, держась напряженно, боясь пошевелиться. Я надела на Бакса намордник, что тот воспринял как личное оскорбление: улегся на пол спиной ко мне и демонстративно вздохнул.

— Я ему не нравлюсь, — в который раз констатировал Оливье.

— А вот Жака он почему-то любит.

— От Жака пахнет корицей и булочками, неудивительно, что его обожают собаки и маленькие дети... Чем займешься сегодня? Может быть, сходим в кино? Оставим пса дома, прогуляемся по набережной...

— Сегодня не могу, — покачала я головой. — Договорилась с Кристофом. Они с Анной ждут меня на обед.

— Ну конечно, — сморщил нос Оливье. — На этого старого крокодила у тебя всегда есть время.

Он надулся и уткнулся в свой кофе. Я молчала, ожидая, пока ему надоест раздувать щеки.

С Оливье я познакомилась полгода назад, когда от нечего делать стала брать уроки живописи. Переехав в пригород Парижа, я долго сидела в своем маленьком домике практически безвылазно, делая короткие набегги на местные лавочки и бесконечно озираясь по сторонам. Продавцы быстро запомнили девушку с плохим французским, диким взглядом и ротвейлером на поводке. Они даже делали попытки подружиться, хотя вообще-то французы не очень жалуют иностранцев, что бы там ни говорили об их гостеприимстве. Месье Шарль приберегал для меня вырезку, а для Бакса — кости, мадам Лавантюр улыбалась, подбирая свежие овощи и молоко, а месье Батистен, владелец кондитерской, не только постоянно подсовывал к моим покупкам маленькие, напоминающие медали, шоколадки и карамель, но и несколько раз томно намекал на свидание.

Жители Леваллуа Перре к иностранцам относились достаточно беспечно. В конце концов, его окра-

ины уже были забиты до отказа лиловыми неграми, далеко не всегда имеющими право жить на территории Франции. Рассуждали местные так: до Парижа — целых три остановки на метро, так что угрозы теракта минимальны, а очаровательная мадемуазель с большим псом, живущая уединенно в небольшом доме, на шахидку не похожа. Но, видимо, вопросы безопасности кого-то из бдительных соседей все-таки беспокоили, поскольку однажды, возвращаясь домой вместе с моим новым другом Кристофом, я застала у ворот дома полицейских. Впрочем, ощутить вполне понятный трепет в поджилках я не успела, поскольку, увидев Кристофа, ажаны рассыпались в любезностях, взяли под козырек и растворились.

Соседи, без сомнения, видели, кто меня сопровождал, сделали соответствующие выводы и теперь на улицах здоровались с преувеличенной вежливостью. Воспользовавшись моментом, я кое-кому рассказала о своем прошлом и даже не очень-то врала. Потому до сих пор я ловила на себе сочувствующие взгляды, слышала цоканье языком и отдельные фразы о бедной мадемуазель, оставшейся вдовой в таком юном возрасте. Появление в моей жизни Кристофа и его семьи расширило вариации предположений, а я, памятуя, что хорошо продуманное вранье — это уже легенда, не пыталась ничего опровергать. Спустя несколько дней я услышала о себе новую информацию, где мне дали даже какой-то высокий титул.

Вскоре после этого я настолько осмелела, что отправилась брать уроки живописи. Вопреки моему убеждению, будто рисовать учатся исключительно молодые люди, я обнаружила на занятиях разношерстную публику. Здесь были даже две старушки лет шестидесяти. Одна писала совершенно дикие натюрморты, вторая

упорно рисовала мелкими котов: inferнальных, с вытянутыми жирафьими шеями и хищными улыбками. Кроме них, уроки брали неопрятная женщина в измазанной краской одежде, писавшая акварелью потрясающие пейзажи, девушка лет шестнадцати, тихая, забитая, испуганная, как мышь, мужчина с дикой, всклокоченной шевелюрой и Оливье.

Будучи иностранкой, я не очень вписывалась в эту группу, да и не старалась, держась особняком. Остальные общались достаточно мило: смеялись, шутили и постоянно болтали, что иногда меня даже раздражало, так как говорили они слишком быстро, чтобы я могла понять. Потому я сосредотачивалась на картинах, не обращая на них никакого внимания.

Оливье подошел ко мне сам спустя месяц занятий. До того момента я ограничивалась вежливыми кивками и в дискуссии не вступала. А тут он, грызя яблоко, долго стоял за спиной, а потом ткнул пальцем в угол картины.

— Здесь слишком темно, — сказал он. — И вообще твою картину портит обилие мелких деталей. Хотя композиция, надо признать, хороша. Ты училась где-то?

Тогда я впервые обратила на него внимание. Оливье был сокрушительно хорош: высокий, жилистый, темноглазый, с длинными прямыми черными волосами, распущенными по плечам. У него были высокий лоб и тонкие пальцы с ухоженными ногтями, слишком изящными для мужчины.

Я скупно улыбнулась и не ответила. Но Оливье не отходил.

— Нет, в самом деле. Я бы впустил сюда немного света и смягчил оттенки, сделал их более холодными. Месье Антуан, вы не находите?..

Я стиснула зубы. Оливье и наш преподаватель Антуан подошли и стали рассматривать мою мазню с величайшим вниманием. Остальные тоже побросали кисти, мелки, уголь и придвинулись ближе.

— Оливье прав, — кивнул Антуан. — Вот тут и тут, — он ткнул пальцем в холст, — картина перегружена деталями. И с цветом я бы посоветовал поработать. У вас интересные картины, Алиса, но чрезмерно мрачные. Хотя надо отдать должное, вы невероятно терпеливы. Вы так кропотливо выписываете мельчайшие детали... Интересный пейзаж. Этот дом... Вы выдумали его?

Я кивнула, стараясь не вдаваться в подробности, но помрачнела и ушла с занятия раньше, чем обычно, не сразу обратив внимание на то, что Оливье увязался за мной. Он долго шагал, сопя мне в затылок, а потом робко взял меня за руку.

— Алиса, ты обиделась?

Я покачала головой.

— Тогда расстроилась? А почему?

Я не ответила и лишь натянуто улыбалась, надеясь, что он отстанет. Но Оливье оказался настойчивым и даже уговорил меня пойти с ним в кафе. Он вздох рассказывал о своей жизни, тараторя так быстро, что я почти не понимала его и оттого смеялась, просила повторить. Он повторял и тоже смеялся, непонятно почему.

Оливье был моложе меня на три года. По сравнению с ним я сама себе казалась старой черепахой, просидевшей в болоте триста лет. Его беззаботность помогала справляться с мрачными мыслями, то и дело посещавшими меня по вечерам. Теперь на занятия я ходила с удовольствием, с большим рвением учила язык и охотно принимала участие во всевозможных